

Атакулова М.А.

**ЛИЧНО-ПОСЕССИВНОЕ СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ
И ЯВЛЕНИЕ БЕЗЛИЧНОСТИ**

М.А. Atakulova

**THE PERSONAL POSSESSIVE INFLECTION AND
IMPERSONAL PHENOMENON**

УДК: 809.43

Статья, раскрывает особенности безличных образований, в которых лицо обладателя выражается без участия лично-местоименных аффиксов и лексем.

The article exposed the particularity of impersonal formation where person possessor is swared without personal pronominal affixes and lexems.

Применительно к категории принадлежности не используется понятие «безличность». Но стремление как-то выделить антиномию «личное - безличное» существует.

Обратимся к наблюдению Н.К. Дмитриева. Он пишет: «Кроме двух описанных выше типов личной принадлежности (конкретной и абстрактной), в тюркских языках встречается форма конкретной принадлежности, не связанная с идеей личных местоимений, а такая, где лицо обладателя выражается **безлично**: обладателем может быть любой предмет, отличный от предмета обладания. С грамматической точки зрения такой «обладатель», конечно, приравнивается к личному местоимению 3-го л. Такой тип конкретной принадлежности выражается аффиксом *-лы* (<*-лыг*) со всеми его многочисленными вариантами (*-лыг, -лы, -ты, -ды, -ту, -ду* и мн.др.)» (59, с. 24; выделено нами – М. А.).

Из этого заключения ученого можно вывести некоторые положения, важные для определения сущности рассматриваемой категории в связи с идеей безличности в языке.

Личная принадлежность бывает конкретной и абстрактной, но так или иначе связана с личными местоимениями. Личная принадлежность и личные местоимения соотносительны материально и семантически.

Формы конкретной принадлежности различны. Среди них есть безличные образования, в которых лицо обладателя выражается без участия лично-местоименных аффиксов и лексем.

В безличных образованиях обладателем может быть любой предмет, отличающийся от предмета обладания. Предмет обладания заключен в основе словоформы. Аффикс выражает лицо обладателя.

Аффикс обладания, по данным Ф.Г.Исхакова, имеет алломорфы:

- а) в узбекском языке: *-ли*;
- б) в башкирском: *-лы, -ле, -ло, -ль*;
- в) в азербайджанском: *-лы, -ли, -лу, -л*;

г) в алтайском: *-лу, -ту, -д\, -л\, -т\, -ду*;

д) в хакасском: *-лыг, -лиг, -тыг, -тиг, -ныг, -ниг*;

е) в киргизском: *-луу, -л\, -дуу, -д\, -туу, -т*;

ж) в якутском: *-лаах, -лээх, -лоох, -лѣэх, -таах, -тѣэх, -даах, -дээх, -дѣэх, -наах, -ноох, -нѣэх*;

з) в тувинском: *-лыг, -лиг, -луг, -л\г, -тыг, -тиг, -туг, -т\г, -дыг, -диг, -дуг, -д\г, -ныг, -ниг, -нуг, -н\г* и т.д.

Этот аффикс свойствен всем языкам тюркской группы. Слова с данным аффиксом «указывают на обладание чем-либо или кем-либо или на органическую связь чего-либо с чем-либо».

Обладатель, выражаемый с помощью аффикса *-лы...*, приравнивается к личному местоимению 3 лица. Вот здесь мы находим аналогию между безличными формами тюркских и русского языков. И в русском языке безличные глаголы имеют форму 3 лица и среднего (нейтрального!) рода.

В лингвистической литературе статус слов, имеющих в своем составе аффикс *-лы...*, определяется неоднозначно. Видение Дмитриева является лишь одним из возможных взглядов на данную проблему.

В трудах большинства исследователей тюркских языков слова с аффиксом *-лы...* определяются как производное относительное прилагательное, образованное от имен существительных.

Ряд тюркологов (М.З.Закиев, Ф.А.Ганиев, Р.М.Бирюкович, К.Зулпукаров и др.) относят их к категории падежа, называя формой обладательного падежа.

Не вдаваясь в дискуссию, отметим, что киргизский аффикс обладания, реализуемый в алломорфах в виде *-дуу, -д\, -туу, -т\, -луу, -л*, непосредственно участвуют в выражении принадлежности предмета другому предмету или лицу. **Обладатель выступает безлично.**

Приведем отдельные примеры с их переводом на русский язык:

бала-луу аял – женщина с ребенком;
женщина, имеющая детей

тоо-луу ълкѣ – горная страна; страна, имеющая горы

ээ-л\ жер – земельный участок, имеющий хозяина

ат-туу адам – всадник; человек, сидящий на коне; человек, имеющий коня

эт-т\| тамак – мясное блюдо; пища, имеющая в своем составе мясо

мал-дуу абышка – старик, имеющий скот

эр-д\| катын – замужняя женщина.

Ясно, что в этих словосочетаниях основа определения обозначает предмет обладания, а в качестве определяемого выступает существительное, обозначающее обладателя.

Данные словосочетания могут быть отнесены к дальней периферии ФСП посессивности.

В киргизском языке есть и другие факты, позволяющие говорить о наличии дихотомии «личные формы – безличные формы». Языковые факты дают основания для принятия допущения: **если в языке есть личные формы, то, естественно, должны существовать и неличные (безличные) формы слов.** Личные формы не могут существовать без неличных. **Личные и безличные формы взаимно предполагают, необходимо требуя друг друга.** Иначе, на каком основании выделяются личные формы в языке? Личные показатели формируются в противовес и благодаря показателям, нейтральным по отношению к лицу.

Личные и безличные формы слова даны одновременно и существуют, взаимно предполагают друг друга. Личные формы выражают отношение предмета или принадлежность предмета тому или иному лицу. Безличные формы слова нейтральны относительно лица. Их отношение к тому или иному лицу неопределенно.

Имя существительное *ата* «отец» может употребляться в личной форме: *атам* «мой отец», *атабыз* «наш отец» и т.д. Оно может функционировать и в безличной форме. Его отношение к тому или иному лицу может быть нейтральным, неопределенным, даже обобщенным. Нейтральную по отношению к лицу форму слова можно назвать безличной. Словоформа *ата* безлична.

Различение личных и безличных форм субстантивного слова необходимо и в другом отношении. Оно открывает дорогу для однозначного решения теории склонения, позволяя разграничивать **личное и безличное** склонение субстантивных слов.

Такое понимание безличности мы встречаем в трудах целого ряда тюркологов.

В ряде исследований любое употребление имени существительного или другого субстантивированного слова без аффиксов лица называется безличной формой. По мнению Е.И.Убрятовой, имена существительные в якутском языке «принимают притяжательные аффиксы (аффиксы принадлежности), выражающие их принадлежность лицу или предмету: *дьиэ-м* 'мой дом', *дьиэ-ё* 'твой дом', *дьиэ-тэ* 'его

дом', *дьиэ-бит* 'наш дом', *дьиэ-гит* 'ваш дом', *дьиэ-лэрэ* 'их дом'. Термины родства и части тела без аффиксов принадлежности почти не употребляются.

В якутском языке два склонения – безличное и лично-притяжательное.

Винительный падеж (афф. *-ы*, *-ны* в безличном склонении и *-ын* – в лично-притяжательном) – одна из форм прямого дополнения...

Винительный собирательный падеж (аффикс *-лары*) – форма имени существительного, выражающего объект или часть объекта, полностью подвергшегося действию. Употребляется он только в единственном числе безличного склонения (*тыалары* 'весь лес')... (194, V, с. 408-409).

Из сказанного следует, что в якутском языке имена существительные имеют лично-притяжательную и безличную форму, есть разряды слов (термины родства и названия частей тела), которые редко употребляются без лично-притяжательных аффиксов. В этом языке следует разграничивать лично-притяжательное и безличное употребление субстантивных лексем.

В якутском языке лично-притяжательное и безличное употребление субстантивных слов оформляются по-разному, образуя два типа склонения, которые не являются равноправными. Некоторые разряды существительных имеют дефектную парадигму. Значение собирательности передается аффиксом безличного склонения только ед. числа, этим обеспечивается избежание двойного употребления формы мн. числа. «Частный падеж... в лично-притяжательном склонении употребляется очень редко» (194, V, с. 409). «Личные местоимения имеют только безличное склонение» (194, V, с. 412). «Указательные местоимения... изменяются только в безличном склонении без частного падежа (с. 413). Этот факт говорит о том, что склонение не всегда выступает как система. Элементы языка, образующие падежную парадигму, не равноправны и не равновесны. Здесь **системность сосуществует с асистемностью. Склонение системно и асистемно одновременно.** На основании вышеизложенного вполне можно говорить о лично-притяжательном и безличном употреблении слов в тюркских языках. Любое употребление субстантивного слова без личных форм представляет собой явление, которое можно назвать безличным или неличным употреблением.

Лично-посессивное словоизменение не автономно. Оно взаимодействует с категорией склонения. Этот аспект посессивности достаточно изучен в тюркологии. Но еще никто не обращал внимания на особенности лично-посессивных словоформ в парадигме лично-предикативного спряжения.

Сразу отметим, что не все лично-посессивные образования спрягаются по формам лично-предикативной парадигмы. Например, словоформа *Кыргызстаным* не может изменяться в рамках категории сказуемости. Мы не можем говорить *Кыргызстаныммын, Кыргызстанымсыё* и др., что не допускается киргизским языковым стереотипом и самой логикой языка.

Приведем другой пример. Один из известных политических деятелей республики перед новыми выборами в Жогорку Кеёш напечатал в газете «Эркин Тоо» статью под названием *Ата-тегим, туугандарым, йи-блгым, млккм жана байлыгым жынды*. - «О предках моих, родственников моих, семье моей, имуществе моем и богатстве моем». Лично-посессивный аффикс 1 л. ед., представленный в аллоформах *-м, -им, -и, -ым* (2 раза), допускает именно такой перевод. Стилистически правильнее перевод: *О моих предках, родственниках, семье, имуществе и богатстве*. Ни одна из пяти лично-посессивных словоформ киргизского языка не может спрягаться по лично-предикативной парадигме.

В тексте статьи имеется предложение, насыщенное лично-посессивными словоформами 1 л.мн.ч., где речь идет об имуществе семьи: *...Биздин эч кандай млк-байлыгыбыз, менчик ишканабыз, ээлеген жэрибиз, бактырган малыбыз... банкта сактаган эсебибиз же акциябыз, дивидендибиз жок* (А.Эркебаев. Эркин Тоо, 22.10.04, 4-5 бб.). – У нас нет никакого имущества-богатства, собственного предприятия, занимаемого земельного участка, разводимого скота, хранимого в банке счета или акций, дивидендов (в киргизском тексте притяжательное значение «наш, наше...» выражается лексически один раз и аффиксально семь раз, в русском переводе – только один раз лексически).

В киргизских предложениях важную текстообразующую функцию выполняют показатели 1 лица. В названии статьи однородные наименования связаны между собой лично-посессивным аффиксом 1 л.ед. и мн., который скрепляет части фразы в единое целое. Сопоставляя название статьи А. Эркебаева с его переводом на русский язык, мы видим, что в киргизской фразе текстообразование осуществлено с помощью лично-посессивного аффикса 1 л.ед., представленного в 5 аллоформах: *...-им +... -ым +...-м +...-ум +...-ым*.

В русском переводе лицо говорящего представлено только один раз в корневой морфеме *мой-* словоформы *моих*, а текстообразование базируется на предложном падеже: предлог *о* обуславливает морфологическое единообразие всех последующих именных

словоформ, образующих целостное синтагматическое единство:

О мой-их предк-ах родственник-ах, семь-е, имущество-е и богатств-е.

Аналогично построен отрывок из статьи и его перевод на русский язык. В киргизской конструкции текстообразование осуществлено с опорой на личные морфемы:

Биз-дин +...-ыбыз +...-быз+...-ибиз +...-ыбыз+...-ибиз +...-быз +...-ибиз.

В русском эквиваленте лицо говорящего представлено в предложном сочетании *у нас*. А

а) 1 л.ед.	...	<i>бала-ё-мын</i>	<i>бала-сы-мын</i>
2 л.ед.(в)	<i>бала-сы-сыз</i>
2 л.ед.(н)	<i>бала-м-сыё</i>	...	<i>бала-сы-сыё</i>
3 л.ед.	<i>бала-м</i>	<i>бала-ё</i>	<i>бала-сы</i>
б) 1 л.мн.	<i>бала-ёар-мын</i>
2 л.мн.(в)
2 л.мн.(н)	<i>бала-быз-сыёар</i>
3 л.мн.	<i>бала-быз</i>	...	<i>бала-ёар</i>

предикат *нет* предполагает употребление род.п. во всех последующих словоформах:

Нет никакого имущества-а богатств-а, собственн-ого предприятий-а.

Нет занимаем-ого земельн-ого участк-а и т.д.

Эти примеры позволяют сделать два существенных вывода.

Во-первых, киргизский язык в отличие от русского является очень персонифицированным языком и имеет дублирующиеся формы лица и числа. **Эгоцентризм выражен по-киргизски многократно сильнее и продуктивнее, чем в русском языке.** Во-вторых, русский и киргизский языки для выражения одного и того же содержания используют различные способы выражения. Русские падежи занимают центральное место среди способов текстообразования.

Иные типы связи мы видим в предложении-поговорке *Жакшы сьз\ менен к\лд\рьт, назы менен к\йд\рьт, мээрими менен с\йд\рьт* (Г. Таджикива, А. Курманбекова) «Хороший (человек) смешит словом, огорчает недовольством (капризами), радуется добротой». Здесь текстообразующую функцию выполняют параллелизм частей и их конструктивно-семантическое единообразие.

сьз-\ менен к\лд\рьт-т
Жакшы наз-ы менен к\йд\рьт-т
мээр-и с\йд\рьт-т

Лично-посессивный аффикс 3 л.ед. *-у, -ы, -и* соотносится с лично-предикативным аффиксом 3 л.ед. *-т* и субъектом предложения и непосредственно участвует в организации текста и в укреплении связи его частей в единое целое.

По формам лично-предикативного спряжения изменяются только лично-притяжательные формы ограниченного круга названий лиц – терминов родства и землячества, антропонимов, наименований лиц, объединенных по месту и характеру службы, обучения и т.д. **Логика языка подсказывает необходимость разграничения личного и безличного предикативного спряжения и выделения «пустых клеток» в системе такого спряжения.**

Приведем примеры, подтверждающие наличие в тюркских языках неполной парадигмы. В лично-предикативном спряжении лично-посессивных словоформ не все «клетки» заполняются. Дефектная парадигма свидетельствует о том, что системное представление морфологических единиц языка не всегда учитывает асистемную природу морфологических явлений. Ср., например:

По сравнению с формами 1 и 2 л. формы 3 л. представлены широко и не имеют пробела. По такому же образцу изменяются и другие разряды имен существительных, являющихся названиями лиц. Например, антропоним *Тагайыё* «твой Тагай» и существительное *балаё* «твой ребенок» имеют одинаковую лично-предикативную парадигму. Состав их словоформ идентичен. Но основы и лексико-семантическое содержание этих слов отличаются друг от друга. На юге республики известен афоризм: *Таанысаё – Тагайыёмын, тааныбасаё – кудайыёмын*, связываемый с именем, кажется, одного из однозных работников НКВД в первые годы Советской власти. Первая половина афоризма *Таанысаё – Тагайыёмын...* стоит на обелиске памятника «герою» у подножья горы Сулайман в г. Ош. Вторая половина здесь подразумевается правилами компрессии. Данный контекст, естественно, не допускает замены словоформы *Тагайыёмын* словоформой *балаёмын*. Лично-посессивные словоформы *Тагайыё* и *балаё* имеют только формы 1 и 3 лица лично-предикативного спряжения.

В языке имеет место переименование лично-предикативных и лично-посессивных аффиксов. Ср., например:

бала-м-сыё «ты мой сын»,
бала-ё-мын «я твой сын».

Полная парадигма подобных образований позволяет говорить о двойном личном словоизменении. **Лично-посессивные аффиксы, находящиеся между основой и лично-предикативными аффиксами, образуют интерфиксальную парадигму.**

Считаем, что такие явления встречаются во всех тюркских языках. Здесь речь идет о двойном спряжении – лично-посессивном и лично-предикативном. Сочетание двух

спряжений в парадигме своеобразно. **Логика языка предопределяет состав совмещенных парадигм. Язык не допускает алогизмов в парадигме.**

Аналогичные явления мы находим в парадигме субъектно-объектного словоизменения. Например, в эрзянском языке – *самак* имеет значение «ты меня», *-самам* «он(она) меня», *-тан* «я тебя», *-танзат* «он(она)тебя», *-са* «я его(ее)», *-сак* «ты его(ее)», *-сы* «он(она) его(ее)», *-самизь* «вы(они)меня», *-тадызь* «мы (они) тебя», *-сынек* «мы его(ее)», *-сынк* «вы его(ее)», *-сыз* «они его(ее)», *-самизь* «ты (вы), он (она, они) нас», *-тадызь* «я вас» и т.д. Здесь отсутствуют по логике вещей личные субъектно-объектные аффиксы со значениями «я меня», «ты тебя», «мы меня» и др., однако свободно передаются значения «он меня», «он тебя» и др., например, *кундасамам* «он (она) меня поймает», *кундатанзат* «он (она) тебя поймает» и др. (194, III, с.188).

В языках субъектно-объектного спряжения встречаются и явления интерфиксации, и факты нейтрализации, и примеры переименования и т.д.

Ясно одно: в парадигме совмещаются показатели субъекта и объекта. Однако в эрзянском языке совмещенные парадигмы не допускают такого четкого разграничения, как в тюркских языках.

Тюркская лично-интерфиксальная парадигма может соответствовать в этом языке суффиксальной парадигме:

арт-ым-ан (=дан) «за мной»
арт-ыё-ан (=дан) «за тобой»
удало-н удало-т
арт-ын-ан «за ним (нею)»
арт-ыбыз-дан «за нами»
удало-нзо удало -нок
арт-ыёар-дан «за вами»
арт-ын-ан (=тар-ын-ан) «за ними»
удало-нк удало-ст.

Как видим, члены киргизской лично-интерфиксальной парадигмы соответствуют русским личным местоимениям, основа послесложного имени *арт* - предлогу *за*.

В интерфиксальном словоизменении формы лица не влияют на лексическое значение слова, поэтому они отличаются от словообразовательных интерфиксов в словах типа *жан-ы-бар* «животное», *кол-мо-кол* «из руки в руку» и др., где интерфиксы выполняют не словоизменительную, а словообразовательную функцию.

Литература:

1. Аслидинов С. Категория принадлежности в современном узбекском литературном языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. - Самарканд, 1964. - 18 с.

2. Атакулова М.А. Синтагма и ее типология с точки зрения категории личности-безличности // Сб. науч. тр. /Узген. ин-т технологии и образования Ош. технол. ун-та. - Ош; Узген, 2002. - Вып. 6. - С. 22-27.
3. Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. - М.: Просвещение, 1976. -207 с.
4. Бульгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. - М., 1982. - С. 7-85.
5. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. – М., 1959. – 376 с.

Рецензент: д.филол.н., профессор Трофимов М.И.
